

Политические обязанности немецкой молодёжи: Речь перед членами «Университетского Кольца немецкого духа» в Вюрцбурге, 26 февраля 1924 года¹

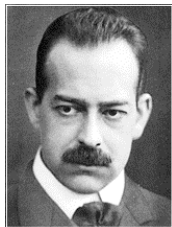
Освальд Арнольд Готфрид Шпенглер

Перевод с немецкого: **Ольга Юрьевна Бойцова**

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

boytsova.oy@philos.msu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6117-4205>

Аннотация. Публикация представляет собой перевод речи «Politische Pflichten der deutschen Jugend» («Политические обязанности немецкой молодёжи»), с которой Освальд Шпенглер обратился к студенческой молодёжи. Она посвящена проблемам политического будущего Германии. Это выступление состоялось в 1924 г., в самом начале того относительно благополучного периода, который впоследствии в историографии страны получил название «золотых двадцатых». В речи затрагивается широкий круг культурных, экономических, внутривнутриполитических и международных вопросов, с которыми столкнулась Германия после Первой мировой войны. Несмо-

тря на проявившиеся признаки стабилизации, Шпенглер выражает большую тревогу и обеспокоенность положением дел в стране. Он анализирует последствия войны и отмечает утрату государством значения на мировой арене и самостоятельности во внутренних делах; рост экономического, политического и идеологического влияния зарубежных стран и неспособность национального немецкого движения противостоять ему. Указывая на слабость, некомпетентность и своекорыстие политических лидеров, критикуя национальное самолюбование и узость политического горизонта, Шпенглер настаивает на необходимости серьёзно учиться политическому мастерству и предлагает молодёжи программу действий, которая, по его убеждению, должна привести к подлинному возрождению страны. Перевод выполнен по сборнику «Politische Schriften» («Политические произведения») 1934 г. В этой публикации Шпенглер дал в два раза больше ссылок на второй том своего труда «Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte» («Закат Западного мира»), чем в первом издании речи, осуществлённом в 1924 г. Кроме того, в предисловии к сборнику он особо подчеркнул, что ссылки в тексте даются на исправленный вариант знаменитого двухтомника.

¹ Spengler O. Politische Schriften. Volksausgabe. München und Berlin: C.H.Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1934. S. 126–157. Ссылки Шпенглера обозначены *, комментарии переводчика — цифрой.

Ключевые слова: Шпенглер, национальная культура, немецкая культура, молодёжь и политика

Для цитирования: Шпенглер О. Политические обязанности немецкой молодёжи. Речь перед членами «Университетского Кольца немецкого духа» в Вюрцбурге, 26 февраля 1924 года // Концепт: философия, религия, культура. — 2025. — Т. 9, № 4. — С. 98–120. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-4-36-98-120>

Philosophical essay

***Political Obligations of German Youth:* Speech before the Members of the University Ring of the German Spirit in Würzburg, 26th February 1924**

Oswald Arnold Gottfried Spengler

Translation from German to Russian: **Olga Yu. Boytsova**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

boytsova.oy@philos.msu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6117-4205>

Abstract. The publication is a translation of the speech *Politische Pflichten der deutschen Jugend* (*Political Obligations of German Youth*) addressed by Oswald Spengler to the students. It addresses the issues regarding Germany's political future at the time. This address took place in 1924, at the very beginning of that relatively prosperous period which later became known in the country's historiography as the "Golden Twenties." The speech covers a wide range of cultural, economic, domestic political, and international issues that Germany faced after the First World War. Despite the signs of stabilization that had emerged, Spengler expresses profound alarm and concern regarding the situation in the country. He analyses the consequences of the war and notes the decline of the state's significance on the world stage and domestic autonomy, the increasing economic, political, and ideological influence of foreign powers, and the inability of the national German movement to counter it. By pointing to the weakness, incompetence, and self-interest of political leaders, and criticizing national narcissism and a narrow political horizon, Spengler insists on the necessity of seriously learning the art of politics and offers the youth a program of action which, in his conviction, was to lead to a genuine revival of the country. The translation is based on the collection *Politische Schriften* (*Political works*) of 1934. In this publication, Spengler included twice as many references to the second volume of his work *Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte* (*The Decline of the Western World*) as in the first edition of the speech, which appeared in 1924. In the preface to the collection, he emphasized that the references in the text are given for a revised version of the famous two-volume book.

Keywords: O. Spengler, national culture, German culture, youth and politics

For citation: Spengler, O. (2025) '*Political Obligations of German Youth: Speech before the Members of the University Ring of the German Spirit in Würzburg, 26th February 1924*', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 9(4), pp. 98–120. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-4-36-98-120>

Германия сегодня пребывает в состоянии обманчивого покоя. Некоторым счастливицам улыбнулась коммерческая удача, и это позволило — вопреки всем ожиданиям — справиться с тем катастрофическим упадком в отечественной экономике, к которому привёл крах нашей денежной системы². Конечно, такое везение — не более чем видимость, но и её оказалось достаточно, чтобы появилось и широко распространилось мнение, будто положение нашего народа действительно улучшилось. Мы настолько обездолены, мы так обеднели, мы — после утраты нашей мощи, после крушения наших надежд, после замены их пять лет назад на нечто совсем иное³, — в такой мере утратили величие и достоинство, что стоило повседневной мелкой хозяйственной жизни отдельных людей оказаться чуть более размеренной, как миллионы тут же уверились в том, что всё снова в полном порядке.

Но на деле драма, которую мы переживаем, носит куда более мучительный характер. Мы уже позабыли, что ещё недавно входили в число мировых наций, мы разучились быть народом такого уровня. Мы не только обнищали, мы лишились чести. Мужское право защищать себя с оружием в руках, которым обладает лю-

бое карликовое племя, у нас было отнято. Мы более не являемся самостоятельной нацией. Мы стали всего лишь объектом воли, ненависти и алчности других. В то время как все армии и флотилии мира вооружаются, готовясь к новым битвам, мы немецкими деньгами оплачиваем пребывание на немецкой земле французского войска⁴ — таков наш антимиитаризм. А многих ли из нас всё это заставляет сгорать от стыда? Несметное число людей считает возможным и необходимым смириться с нынешним состоянием, дабы, приспособившись к нему, обустроить свой крохотный закуток счастья⁵. И это им удаётся. Вот уже пять лет у нас существует система правления, позволяющая при общей убогости и полном бесславии превосходно жить, — правда, только тем, кто с ней связан. Тысячи пристроившихся на партийные и государственные посты кормятся за её счёт, пользуясь казённым довольствием и связями. Тысячи занятых частным бизнесом, оценивая положение дел, и вовсе не видят необходимости в переменах.

Немецкая молодёжь не разделяет подобных воззрения. Среди отрядных примет времени наиболее обнадёживает, пожалуй, то, что ни в одном слое народа упомянутая готовность принять бесславную судьбу не встречает столь малой поддержки,

² На проигравшую в Первой мировой войне Германию была возложена обязанность компенсировать ущерб, нанесённый странам Антанты. Размер долга был оценен в 269 млрд марок, платежи — с перерывом на 20 лет (с 1933 по 1953 г.) — производились вплоть до 2010 г. Выплата репараций привела к опустошению немецкой казны и обесцениванию денег. В 1924–1929 гг. — во многом благодаря усилиям рейхсканцлера и министра иностранных дел Густава Штресемана (1878–1929) — Веймарской республике удалось относительно стабилизировать положение, добиться преодоления изоляции на мировой арене и получить американские кредиты, сдержать инфляцию и даже выйти на показатели роста государственных доходов. Этот недолгий период получил название «Золотые двадцатые». В 1929 г., когда разразилась Великая депрессия, вызванная финансовым кризисом в США, кризис в экономике и политике Германии возобновился с новой силой (Peukert D. Die Weimarer Republik. Krisenjahre der klassischen Moderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1987. 313 s.; Social change and political development in Weimar Germany / Ed. by R. Bessel, E. J. Feuchtwanger. London: Routledge, 1981. 298 p. <https://doi.org/10.4324/9780429277283>).

³ Речь идёт о событиях ноября 1918 г. — революции в Германии, завершившей правление Вильгельма II (1859–1941, император 1888–1918) и учредившей республиканскую форму правления, и окончании Первой мировой войны (1914–1918).

⁴ По Версальскому договору 1919 г., закрепившему итоги Первой мировой войны, в бассейн Рейна в качестве гарантии соблюдения условий капитуляции должны были быть введены войска Антанты. Кроме того, Германия потеряла значительную часть территорий. В частности, она должна была передать Франции Эльзас и Лотарингию, а также ряд колоний.

⁵ Отсылка к произведению «Уголок счастья: радостная книга в трудные времена», автором которого был популярный поэт и литературный критик Карл Герман Буссе (1842–1918). К её появлению привело стремление автора в самый разгар войны перевести дух, собрав под одной обложкой описание «островков счастья», которые даруют ему блаженство отдохновения (Busse C. Winkelglück: ein fröhliches Buch in ernster Zeit. Leipzig: Quelle & Meyer, 1916. 228 s.).

как у юношества из наших образованных сословий, — несмотря на ужасающую нищету, в которой прозябает большинство этих молодых людей. Именно это позволяет мне надеяться, что благодаря подрастающему поколению немецкий народ, самый молодой и самый энергичный из европейских народов, когда-нибудь вновь сможет играть историческую роль, соответствующую его внутренней мощи, его несокрушимому здоровью и его творческим силам.

В тот час, когда придёт время исполнить миссию, которая, по моему глубочайшему убеждению, возложена на нашу молодёжь, вы должны совершенно ясно понимать, на какую бесконечно трудную, требующую длительных и самоотверженных усилий стезю вам приходится ступить, сколь ничтожно мала возможность облегчить себе задачу и как много всего надо знать и уметь, чтобы поднять с колен нищую безоружную страну и проложить ей путь к великому будущему. Это, господа, — ваш священный долг. Вы должны не просто вдохновляться этой миссией, *но воспитывать себя* для неё. Желание само по себе ни к чему не ведёт. Политика — это искусство, сложное и требующее немалых усилий для постижения.

Тому, кто захочет уяснить, какие именно цели и средства нужны нашему отечеству, *прежде всего прочего* потребует верный взгляд на мир с его до крайности

накалённой атмосферой. Война *не привела* к улучшению международной обстановки. Важнейшие вопросы были всего лишь отложены или переформулированы, но не решены. А судьба Германии, с учётом её неблагоприятного географического положения, её военного бессилия и полной изоляции, столь значительно зависит от мирового развития, что любая попытка ограничиться рассмотрением внутренних порядков и идеалов обречена на неудачу.

В общем процессе исторического подъёма и нисхождения мировая война оказалась столь же серьёзным переломным моментом, как и наполеоновская эпоха в недавнем прошлом. Последняя определила военно-политическую форму девятнадцатого столетия точно так же, как война за испанское наследство⁶ — восемнадцатого, а мировая война — двадцатого. Это необходимо знать, дабы полностью уяснить, что бесконечно многое из того, что было само собой разумеющимся до 1914 г., сегодня стало совершенно немыслимым. Попробуйте представить себе, как выглядел мир во времена штурма Бастилии, а как после битвы при Ватерлоо, когда Венский конгресс установил в Европе новый порядок, продержавшийся целое столетие⁷. В войнах восемнадцатого века государство могло располагать весьма немногочисленной профессиональной армией, содержавшейся за счёт налогов: войско в 10–20 тысяч

⁶ *Войной за испанское наследство* (1701–1714) в исторической науке называют масштабное геополитическое противостояние, поводом к которому послужила смерть испанского короля Карла II (1661–1700), не оставившего потомства. По его завещанию, земли Испанской империи, включавшие в себя помимо собственно Испании также владения в Италии, Америке, Бельгии и Люксембург, должны были перейти Филиппу Анжуйскому (1683–1746), правнуку правителя Испании и Португалии Филиппа IV (1605–1665). Однако на них и, соответственно, на испанский престол, выдвинули притязание французские Бурбоны и австрийские Габсбурги, а также император Священной Римской империи и баварская династия Виттельсбахов. Конфликт вылился в многолетние военные действия, в которых приняли участие многие государства: помимо собственно Испании, в них были вовлечены Англия, Шотландия, Ирландия, Пруссия, Португалия, Нидерланды, Франция, а также многие другие европейские королевства, княжества, герцогства. В результате войны произошёл передел сфер влияния, изменилась политическая карта мира и окончательно укрепилась идея баланса сил, принятая в 1648 г. в качестве основы международной политики и получившая название Вестфальской системы.

⁷ *Бастилия*, крепость-тюрьма во Франции, была взята штурмом 14 июля 1789 г. Это стало важнейшим событием Великой Французской революции, ознаменовав собой падение монархии. *Битва под Ватерлоо* произошла 18 июня 1815 г. Это было последнее крупное сражение Наполеона Бонапарта (1769–1821), бежавшего с острова Эльба и стремившегося вернуть себе власть в Европе, против коалиции европейских монархов. Масштабное кровопролитное сражение, центральную роль в котором сыграли английская и прусская армии, закончилось полным поражением французской армии. *Венский конгресс* (октябрь 1814 – июль 1815) завершил эпоху наполеоновских войн. В этой конференции приняли участие 216 представителей европейских государств с целью разделить территориальные приобретения участников антифранцузской коалиции и восстановить государственность держав, уничтоженную Наполеоном. Решения Венского конгресса серьёзно изменили карту Европы; была окончательно установлена политическая система, придерживающаяся принципа равновесия сил.

человек уже считались внушительной силой. Поэтому правительства легко принимали решение об использовании этих воинских подразделений. Масштаб самих сражений с точки зрения задействованных территорий и применяемых средств был столь невелик, что в крупных странах приграничная война никого не затрагивала — кроме тех, кто жил на разоряемых землях. Политический ущерб и экономические убытки — пусть затяжного характера, пусть даже в случае поражения — значили так немного (для Пруссии важным исключением стала Семилетняя война⁸), а мирные соглашения и в самом жёстком варианте со временем оказывались настолько мало действенными, что всякое правительство довольно скоро начинало при самых незначительных разногласиях предпочитать силу оружия любым договорённостям. У наемной армии практически не было ни личных, ни духовных связей с остальным населением, так что человеческие потери не оказывали сильного воздействия на сознание этих народов. В тот период «народы» вообще не вели никаких войн. Даже битва при Росбахе⁹, в значительной мере пробудившая немецкое народное самосознание, была выиграна вовсе не *народом*.

И вот наступает эпоха революции и Наполеона. Наёмные войска превращаются в народные и вбирают в себя молодёжь всей нации, тысячи сменяются сотнями тысяч, и к концу наполеоновской эпохи на европейской земле уже стоят массовые армии, численность которых ещё двадцать лет назад показалась бы немислимой. После Ватерлоо произошло

нечто важное. Когда дипломатия старого образца перекраивала карту Европы, эти воинские образования не были распущены по домам, они сохранились как устойчивые формирования, и в результате именно понятие постоянной армии на протяжении целого столетия определяло политическое положение и особенности политического порядка во всём мире.

Армии, в ряды которых после недолгой процедуры обязан был вступать каждый юноша, способный носить оружие; армии, тысячами разнообразных нитей неразрывно связанные с населением, которое ценило их и относилось к ним с гордостью и заботой; армии, общая численность которых насчитывала сотни тысяч, а под конец и миллионы солдат; армии, всегда готовые к выступлению, не имеющие собственных воззрений, представляющие собой страшное, слепое и при этом постоянно совершенствуемое орудие в руках правительств, — такие армии стояли повсюду, от Испании до России. В результате официальная дипломатия всё реже и со всё большим трудом осмеливалась на то, чтобы от переговоров переходить к принятию кровавого решения, чреватого непредсказуемыми последствиями. Если до 1848 г. в определённых случаях ещё объявляли войну, то теперь, скорее, предпочитали избежать этого шага посредством проведения конгресса или устройства монаршего визита, чем решиться на него. Но решить таким способом проблему как таковую удавалось редко, а в сложных случаях не удавалось вообще, и потому, как мы видим, со времён окончания американской гражданской войны (1865)¹⁰ и битвы

⁸ Семилетняя война (1756–1763), в которой столкнулись интересы Великобритании, Франции, Португалии и Испании, шла как в Европе, так и в Северной Америке, странах Карибского бассейна, в Индии и на Филиппинах. В ней приняли участие большинство европейских государств. Иногда вслед за У. Черчилем (1874–1965) её называют первой мировой войной. В результате этой войны была нарушена сложившаяся система военно-политических альянсов и расклад политических сил: Франция потеряла почти все колониальные владения, Англия стала доминирующей колониальной державой, Пруссия вошла в состав ведущих европейских держав и начала процесс объединения немецких земель.

⁹ Битва при Росбахе (5 ноября 1757 г.) произошла в небольшом селении в Саксонии в ходе Семилетней войны. В этом сражении Пруссии противостояли силы противника, почти вдвое превышающие её армию. Победа окончательно закрепила за Пруссией статус великой военной державы.

¹⁰ Американская гражданская война (1861–1865) между северными и южными штатами была вызвана ростом экономических и политических противоречий внутри страны и стала кульминацией дебатов о рабстве. Она завершилась 23 июня 1865 г. капитуляцией Конфедерации (Конфедеративных штатов Америки), объединявшей южные штаты, восстановлением единства государства и конституционным запрещением рабства на всей его территории.

при Седане¹¹ все значительные конфликты, порождённые неумолимым ходом истории, лишь затягивались и замалчивались. А тем временем армии благодаря техническим изобретениям, благодаря железной дороге и телеграфу, благодаря новому оснащению и обрётённой возможности перемещаться на огромных пространствах изменились так существенно, что никто более не может точно предсказать ход «войны будущего». Любые расчёты оказались ненадёжными, а ответственность стала столь огромной, что в дипломатии возник особый стиль, который можно описать как страх окончательного решения*.

Однако в силу того, что в сражениях мировой войны эти массовые армии прошли испытание на пределе своей мощи и оказались отчасти истощены, в формах политического действия произошли коренные изменения. Сегодня уже очевидно, что обстоятельства минувшего столетия никоим образом не сопоставимы с тем состоянием дел, что ждёт нас в будущем. Мы вынуждены признать, что постоянные армии как явление безвозвратно ушли в прошлое. Не имеет никакого значения, располагают ли на бумаге отдельные государства Европы — или даже все они — постоянной армией и отменена ли в них общая воинская повинность. В наши дни повсеместно под внешней формой постоянной армии

прежнего образца, будь то в рамках воинских подразделений или вне их, вызывает нечто новое. А именно — союзы мужчин, страстно увлечённых общим делом и потому готовых посвятить ему свою жизнь; сообщества единомышленников, выкованные не дисциплиной службы, а общей идеей. Такое было возможно и в девятнадцатом веке, мы видели нечто подобное в 1870-м, а ещё больше — в 1914 г., но к понятию армии того времени это не имело никакого отношения. И уже совсем близок час, когда повсюду в Европе (и даже во Франции) придётся рассчитывать не на всеобщую мобилизацию годного к военной службе населения, а на обращение к тем, кто готов вступить в дело добровольно. Повсюду в постоянных воинских частях и вне их формируются комитеты, общества и союзы, подобные *Action française* и организациям фашистов, которые считают это своей задачей¹². Следовательно, на европейской земле вновь будут появляться малые армии — армии, для которых более всего значимы теперь *собственные убеждения или преклонение перед вождём*. Сама суть постоянной армии предполагает, что политические взгляды на военной службе не играют никакой роли. Природа же будущих боевых отрядов такова, что их воззрения становятся значимыми и за пределами подобных союзов и начинают оказывать

¹¹ *Битва при Седане* (1 сентября 1870 г.) закончилась разгромом французской армии и тем самым определила исход франко-прусской войны (1870–1871). Начало войны привело к подъёму национального самосознания немцев, на волне которого воплотилась в жизнь идея германского единства: 25 государств с немецким населением объединились в Германскую империю (официальное название Deutsches Reich), просуществовавшую до ноября 1918 г.

* *Der Untergang des Abendlandes. II. S. 524f.* (См.: Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. Bd. 2: *Welthistorische Perspektiven*. München: Beck, 1924a. 524ff.; Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. Т. 2. *Всемирно-исторические перспективы*. Москва: Мысль, 1998. 445сл. — *Прим. перев.*).

¹² *Action française* («Французское действие») — правая политическая организация, которая возникла в 1899 г. под руководством писателя Шарля Морраса (1868–1952) и организационно оформилась в 1905 г. Её программа была нацелена на возврат к монархическому государству и опиралась на идеи национализма, антиреспубликанизма, корпоративизма и антисемитизма. Организации фашистов, о которой упоминается в тексте в Германии, к моменту произнесения Шпенглером данной речи уже превратились в активно действующую политическую силу. Созданная в 1919 г. Германская рабочая партия в 1920 г. была переименована в Национал-социалистическую рабочую партию Германии (НСДАП). В отличие от упомянутой французской организации, эта партия не разделяла монархических устремлений. Её программа была нацелена на свержение республиканского строя и обещала передачу земли крестьянам, участие всех немцев в капиталистических прибылях, избавление от евреев, создание «здорового среднего слоя». Общим у «*Action française*» и НСДАП было наличие собственных вооружённых отрядов: французские «Королевские молодчики» были созданы в 1908 г., немецкие штурмовые отряды — в августе 1921 г. (Молодых В.Э. Шарль Моррас и «*Action française*» против Германии: «подлинное лионское сопротивление»). Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022. 408 с.; Sontheimer K. *Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik: Die politische Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933*. München: Deutsche Taschenbuch, 1994. 330 s.; Peukert).

влияние на политику всей страны. Пример Италии, Франции, России и других стран доказывает, что развитие в этом направлении продвинулось весьма существенно. Таким образом, в будущем нам придётся иметь дело с абсолютно другой формой отношений между государствами и совершенно иным — во многом более простым и в определённых условиях полностью игнорирующим дипломатию — способом принимать решение об использовании оружия. Об этом надо помнить, размышляя о будущем Германии.

Мир продолжает меняться. Когда из-за величины постоянных армий упомянутое решение стало для Европы чрезмерно опасным и чреватым непредсказуемыми последствиями, появился новый вариант противостояния: он известен как колониальная политика и до сего дня остаётся сколь удачным, столь и неявным. На первый взгляд, стремительный захват значительных территорий других стран обусловлен экономическими причинами, и изначально они действительно преобладали. Но во второй половине столетия интерес к колониальным владениям определялся уже не только потребностью в сырье и рынках сбыта, но и тем обстоятельством, что к постоянным армиям добавился постоянный флот. Военно-морской флот существовал и до наполеоновской эпохи. В его состав входили деревянные вёсельные суда, которые по большей части были прикованы к побережью и зависели от розы ветров и погодных условий. Начиная с американской Гражданской войны (1861–1865), когда их стали оборудовать паровыми машинами, покрывать броней и оснащать крупнокалиберными пушками, они превратились в новое грозное оружие. И хотя это оружие пока ещё не

было опробовано в серьёзных конфликтах, дипломатию страшила сама возможность поставить в зависимость от него судьбы своей страны, и с течением времени этот страх лишь увеличивался. Поэтому колониальная политика — возможно неосознанно — стала способом либо избежать фатального шага, либо на море заранее справиться с последствиями его принятия. На протяжении всего десятилетия реальную войну на суше в значительной мере *подменяли* наращиванием численности армий и изобретением новых видов вооружения, в результате чего превосходство в оснащении зачастую приравнивалось к победе, а в известных случаях определяло и дипломатический успех. Точно так же вместо тысячекратно предсказанной «морской войны будущего» вновь и вновь разворачивалась борьба за лучшие позиции на театре боевых действий и за опорные базы, важные для тех сражений, на которые в действительности так никогда и не отважились. Первой поняла это Англия. На деле и в Африке, и в Азии колониальная экспансия изначально была направлена на *побережье*, имевшее стратегическое значение. При разделе сфер влияния в Китае (с 1894 г.) внимание по большей мере было сосредоточено на портах и устьях рек, пригодных для размещения современных кораблей¹³. Именно в этом заключалось колоссальное значение Мальты, Адена и Сингапура. Первым плодом стала упреждающая победа океанского флота, выигравшего войну до её начала: ведь если все известные прибрежные территории оказывались под контролем, то у соперника не оставалось никаких шансов создать свои военно-морские силы. Сами подумайте, как русским кораблям в 1905 г. вообще удалось бы добраться до Японии, если бы у них не было

¹³ В борьбе за китайский рынок Англия, Франция, Германия и Россия, оказывая давление на цинское правительство, конкурировали в приобретении доступа к ресурсам. К 1897 г. для иностранной торговли были открыты 34 китайских порта. В 1898 г. Германия заняла область Цзяочжоу на Шаньдунском полуострове, превратив его центр Циндао в немецкую военно-морскую базу. Эти действия привели к так называемой битве за концессии, в результате которой в аренду на 99 лет Франция получила побережье Гуанчжоуваньского залива, близ острова Хайнань, Англия — значительную часть полуострова Цзюлун (Коулун) и порт Вэйхайвэй на Шаньдунском полуострове, Россия — часть Ляодунского полуострова с городами Далянь (Дальний) и Ляйшунь (Порт-Артур). В конце июля 1898 г. под давлением европейских держав цинское правительство было вынуждено открыть для иностранного судоходства все реки и внутренние водоёмы империи.

бы разрешения входить в английские порты и пополнять там запасы угля. Кто-то из английских премьер-министров однажды заявил, что Англия заканчивается там, где начинается морское побережье другой страны. И пятьдесят лет было именно так. В итоге английский флот, уже загодя выигравший все будущие войны, включая *мировую*, мог спокойно оставаться в своих портах. Система военно-морского базирования побеждала за него. В этом-то и состояло уклонение от решающего сражения между массовыми армиями на суше. В наши дни всё изменилось самым существенным образом. Огромное значение этих перемен ещё вряд ли стало явным, но именно они, возможно, будут определять мировую политику в ближайшие десятилетия. Превращение расстановка сил основывалась на том, что материковая часть Африки и Азии, как и Южной Америки и Австралии, в политическом отношении абсолютно пассивна: побережье считалось стратегически важным со стороны моря, а не суши.

И вот в Африке в мгновение ока происходит переворот, который ещё недавно представлялся невероятным. Во время египетского похода Наполеону благодаря счастливому стечению обстоятельств удалось беспрепятственно привести свои корабли к цели, но после уничтожения флота он был вынужден ограничиться Египтом¹⁴. И сегодня Франция планомерно занимается милитаризацией материковой части Африки. Была введена воинская повинность — и в результате сотни тысяч негров от Сенегала до Туниса получают военное образование. Между Алжиром, Суданом и озером Чад прокладывается сеть стратегически важных дорог — и в результате сегодня войска могут

перемещаться от Марокко до Гвинейского залива и в один день достигать Египта или Конго. После того как негры были привлечены к участию в сражениях мировой войны, они осознали свою силу и единство. Растущее самосознание переполняет их всех, от сенегальцев до кафров¹⁵, чему немало способствует подстрекательская пропаганда, которую ведут американские негры. Таким образом, вся без исключения материковая часть вовлекается в реальную, живую политику, причём во многом благодаря исламу, который с невероятным успехом вербует негритянское население к северу от экватора, не только воздействуя на его мировоззрение, но и политически активизируя его и делая его частью мощной системы, незримо раскинувшейся от Багдада до Китая и от Мекки до Атлантики. На чьей стороне окажутся эти новые силы в критический момент — англичан, французов или кого-то ещё, — совершенно неясно, поскольку это зависит от бесконечно многих обстоятельств. Так или иначе, очевидно, что к югу от Европы гигантская территория пробудилась ото сна и оказалась вовлечённой в мировую политику. При известных условиях это может стать более важным, чем все европейские битвы.

То же самое верно и по отношению к Азии*. На Востоке в девятнадцатом столетии основополагающее значение имел тот факт, что Россия — от Польши до Амура — является европейским государством. В этом была убеждена она сама, в этом были убеждены и мы. Сегодня остро ощущается эмоциональное возбуждение, охватившее огромные людские массы по ту сторону Вислы, и никто не знает, во что оно может однажды вылиться. Я хочу привести лишь один пример. Приблизительно в 1920 г. в

¹⁴ *Египетский поход Наполеона (1798–1801)* — военная кампания по завоеванию и колонизации Египта, окончившаяся неудачно для Франции: французский флот был уничтожен англичанами, на суше французы терпели поражения в столкновениях с Турцией, заключившей союз с Англией, и восставшим местным населением. Бонапарт покинул Африку ещё в 1799 г., французский корпус вернулся во Францию после сдачи Александрии англичанам в сентябре 1801 г.).

¹⁵ *Кафры* (от арабского «*kafr*» — неверный) — пренебрежительное именование чернокожих жителей юго-восточной Африки, преимущественно принадлежащих к племени банту, введённое португальцами в XVI в.

* Politische Schriften. S. 122ff. (См.: Spengler O. Politische Pflichten der deutschen Jugend // Politische Schriften. Volksausgabe. München und Berlin: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1934. 122ff; Шпенглер О. Политические произведения. Москва: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. 16сл. — *Прим. перев.*).

Средней Азии объявился барон фон Унгер-Штернберг со своим добровольческим отрядом¹⁶. В кратчайшие сроки ему удалось собрать армию в 150 тысяч человек, которая была беззаветно предана ему лично, великолепно обучена и вооружена, — армию, которую он в любой момент мог использовать в каких угодно целях. Вскоре этот человек был казнён большевиками. Но если бы этого не случилось, то сложно представить, что происходило бы в Азии в наши дни и как уже сегодня могла бы выглядеть карта мира. Нет ни малейшего сомнения, что судьбы Азии зависели бы от так называемой национальной азиатской армии — сотысячного войска, стоявшего в Туркестане. Независимо от того, кого она избрала бы в качестве врага — Индию, Китай или Персию, — с каждым своим шагом она прирастала бы тысячами сторонников, и нет такой силы, которая в этой части света смогла бы оказать столь неистовому натиску серьёзное сопротивление. Таким образом, театр военных действий, ещё во время мировой войны представлявший собой территорию Европы вплоть до западных рубежей России, включил в себя все земли Старого Света. Получившаяся в результате огромная территория поразительно быстро стала ареной событий, не сопоставимых ни с чем происходившим в девятнадцатом веке.

Это может повлечь за собой кардинальные перемены, затрагивающие саму основу английского мирового господства. Если девятнадцатое столетие — несмотря на массовые постоянные армии и даже благодаря им — было золотым веком морских держав и одно лишь наличие флота позволяло завладеть африканскими и азиатскими территориями, то сегодня мы наблюдаем развитие стратегических магистралей на суше. Британское владычество покоилось на том, что путь из Англии в её владения в Индийском и в южной части Тихого океанов пролегал только по морю. Но как только огромные территории пробудились от политической дремоты, в центре внимания оказались сухопутные пути сообщения. И флот, наталкивающийся на уже занятые земли, стал неэффективным. Морская держава, не способная более с береговой зоны оказывать воздействие на хинтерланд, не может оставаться могущественным государством. Вполне вероятно, что в ближайшее время сама по себе задача господства на море будет ставиться абсолютно иначе, и новые силовые линии власти, пролегающие через гигантские участки суши, создадут условия для появления ранее неизвестного типа континентальной блокады*¹⁷. Возможно также, что географическое положение Германии, которое до сих пор было проклятием нашего

¹⁶ Барон Роберт Николас Максимилиан (Роман Федорович) фон Унгерн-Штернберг (1886–1921) — генерал, деятель Белого движения в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Фон Унгерн-Штернберг в 1918 г. возглавил созданную им вместе с казачьим атаманом Григорием Михайловичем Семёновым (1890–1946) Азиатскую конную дивизию, сформированную в основном из бурят и монголов. В 1920 г. силами этой дивизии север Монголии (так называемая Внешняя Монголия) был освобождён от оккупационных подразделений Китая. В Урге было восстановлено монархическое правление: Богдо-гэгэн VIII (1869–1924) был возведён на трон Великих Ханов. Барон стал обладателем одного из высших титулов в Монголии — дархан-хошой-чин-ван, а буддийские ламы признали его земным воплощением бога войны Махалы. В 1921 г. при вторжении на российскую территорию Азиатская дивизия была разгромлена 5-й Красной армией и частями под командованием лидера Монгольской Народной революции Дамдина Сухе-Батора (1893–1923), а фон Унгерн был выдан правительству Дальневосточной республики и после показательного процесса в Новониколаевске (современный Новосибирск) расстрелян.

¹⁷ *Континентальная блокада* — совокупность экономических и политических мер давления, которые по приказу Наполеона Франция применяла к Англии в 1806–1814 гг. Цель заключалась в том, чтобы подорвать экономическую мощь Англии путём закрытия для неё всех европейских портов. Берлинский декрет о континентальной блокаде был подписан 21 ноября 1806 г. В нём излагались основы континентальной системы (системы твердой земли) и устанавливался контроль над всей береговой линией. Ни одно судно не допускалось в контролируемые Францией порты под угрозой конфискации. Несмотря на постоянное ужесточение политики блокады, главная её задача так и не была выполнена. Блокада была окончательно отменена в апреле 1814 г. с реставрацией Бурбонов.

* Der Untergang des Abendlandes. II. S. 599ff.; 627ff. (См.: Spengler, 1924a: 599ff.; 627ff; Шпенглер, 1998: 510сл., 535сл. — Прим. перевод.).

народа, получит совершенно другое политическое значение и что расстановка сил на мировой арене, сложившаяся в послебисмарковский период, уступит место принципиально новой ситуации.

Этот политический сдвиг сопровождается столь же важными переменами в экономике. Для способа хозяйствования девятнадцатого столетия это служит такой же преобразующей силой, какой наполеоновская эпоха стала для восемнадцатого века. В наши дни ещё нередко думают, что основным противником существующего социального и экономического порядка является «марксизм». С недавних пор это суждение стало устаревшим. Стоит только отказаться от сугубо материалистического подхода, господствовавшего в теориях национальной экономики прошлого века, и беспристрастно проанализировать глубинный смысл событий последних двух столетий, как обнаружатся поразительные особенности экономического развития нашего времени*. Ошибочно вслед за Марксом и многими другими писателями искать истоки современной экономической системы в первой половине минувшего века¹⁸. Действительный разлом приходится ровно на середину эпохи Наполеона и пролегает в военно-политической области. Давайте представим, что некто во времена Фридриха Великого¹⁹ пролетает на самолете над какой-либо европейской страной и видит внизу кишашую массу людей и многочисленные объекты хозяйственной деятельности, поместья, фабрики и промышленные предприятия. Ему совсем нетрудно было бы установить, кто чем владеет. Если пересечь по воздуху ту же самую территорию в наши дни, то вряд ли зрительно можно обнаружить существенные изменения: снова люди и снова работающее оборудование. И тем не менее радикальная перемена произошла.

Сегодня, вероятно, пока ещё справедливо утверждение, что национальное богатство принадлежит народу, но то, каковы отношения собственности между конкретными вещами и конкретными людьми, никто больше не знает. Абсолютно новое явление, по глубине превосходящее всё, что в своё время мог наблюдать Маркс, заключается в *духовном отчуждении собственника от предмета владения*. После французской революции между людьми и вещами стали вклиниваться ценные бумаги в виде акций, паёв, облигаций и банкнот. Отношения собственности оказались *невидимыми*, и в течение девятнадцатого века образовался неведомый ранее вид капитала — подвижного, не привязанного к месту и объектам, а лишь «вложенного» в предметы и потому в любой момент обрабатываемого, — капитала, для которого определяющим является не вид, а объём. Как и прежде, предприятие может находиться и работать в некой стране, но сегодня никто не знает, кому оно принадлежит, поскольку *признак владения* предстал в облике многих тысяч бумажных листочков и теперь неотделим от них. Листочки же эти могут в течение всего нескольких часов перейти из одних рук в другие, из одной страны в другую, а также — после изобретения электрического телеграфа, позволившего устным распоряжением разделять владение и физически осязаемые ценные бумаги, в результате чего право собственности стало возможным моментально передавать за границы страны, — перемещаться по всей земле незримо и неосязуемо, совершенно не влияя на работу предприятия, которое даже и знать не будет об этих изменениях. Всё это привело к результатам, которые сегодня не только имеют первостепенное значение, но и полностью определяют как экономическую, так и политическую ситуацию. У нас в Германии,

* в наполеоновском смысле.

¹⁸ Согласно теории первоначального накопления, выдвинутой Карлом Марксом (1818–1883), истоки экономической системы капитализма следует искать значительно раньше, чем указывает Шпенглер, — в конце XV в. (см.: Маркс К. Капитал. Том первый // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 725–773).

¹⁹ Фридрих II Великий Гогенцоллерн (1712–1786) стал королём Пруссии в 1740 г. В его правление территория Пруссии увеличилась почти в два раза.

как и во всех передовых в хозяйственном отношении странах, движимый капитал преобладает над физическим. Более половины доставшегося нам национального капитала принадлежит людям, которые не только не работают с предметами своего владения, но и вообще не знакомы с ними. Они всего лишь «имеют» их в виде бумаг или даже просто договорённостей и стремятся с помощью коммерческих операций получить прибыль от такого «имения», причём совершенно независимо от того, с каким производственным процессом данный предмет владения связан. Оказалось, что национальный капитал, содержащийся в объектах внутри государства, и национальный капитал, который «имеют», которым обладают представители народа этого государства, оказались двумя совершенно различными величинами. В Англии первая из них меньше второй, в Германии — больше. Какая доля немецкой промышленности *принадлежит* Германии, никто не знает. Эта величина меняется изо дня в день в ходе биржевых торгов. Таким образом, сегодня дело уже не в том, как заявлял Маркс — исходя, разумеется, из потребности придать классовой борьбе теоретическую основу, — что существует изначальный антагонизм между работодателем и рабочим. В значительно большей мере он существует между людьми, непосредственно занятыми производительным трудом, неважно, в качестве начальника или подчинённого, предпринимателя, техника или фабричного рабочего, с одной стороны, и неизвестными лицами, с другой. Этих неизвестных существенно меньше и число их постоянно меняется, они, не являясь ни работодателем, ни рабочим, тем не менее владеют фабрикой и, следовательно, эта фабрика работает на них, при том что они вообще не имеют представления о сути данной работы. Такое отделение собственника от производства подтачивает и отравляет подлинно продуктивный, неотрывный от родной земли, пахотных угодий, рудников и цехов, труд современных наций. Пока на каждой фабрике есть некто, кто как владелец печётся о ней, можно говорить о национальном труде. Но подвижный капитал, который телеграммой

может быть мгновенно передан из Берлина в Нью-Йорк, не является национальным. Он оторван от почвы, он парит в воздухе, его размер невозможно вычислить. Если движение в этом направлении дойдёт до предела и в крупных областях экономической деятельности даже оставшиеся доли национального капитала окажутся отделены от объектов, то возобладает такая форма хозяйствования, которая быстро истощит душу даже самого сильного народа. Уже сегодня подавляющее число немцев, англичан и американцев, от предпринимателей до подёнщиков, работают на людей, которых они не знают и которые исподволь их разоблачают. Да и изобретатель с предпринимателем точно так же передают дело своей жизни в руки незнакомцев, а в итоге небольшая группка людей получает возможность распоряжаться национальным капиталом отдельных стран — а тем самым и судьбами наций — по всему миру.

Подвижный капитал, которым владеют банки, концерны и отдельные фирмы и о размерах которого общественность даже не подозревает, подчинил себе политические организации, партии, правительства, прессу и общественное мнение. Во всех странах с развитой промышленностью, плантационным хозяйством или активной торговлей он чуть ли не диктует законодательство о доходах и налогах. Под его воздействием стал популярным принцип «нагружать сильных», определивший налоговую политику, методы которой налагают основное бремя на физический, то есть зримый и осязаемый, капитал, уменьшая нагрузку на подвижный и незримый. В итоге экономическое законодательство не приметно сдвигается к тому, чтобы отделить всё большую часть фиксированной части национального богатства от зримых вещей и включить их в поток международного капитала, даже если это делается всего лишь в форме кредитов, позволяющих за счёт местного труда избежать налогов и обязательств. И в какой-то день может оказаться, что весь народ работает неведомо для кого и для чего.

Это противоречие между владением в гражданском и биржевом смыслах носит более глубокий характер, чем антагонизм

между капиталистом и пролетарием, если использовать популярное клише прошлого поколения. В Германии, как и в других странах, имеется избранный слой людей, которые благодаря воспитанию, положению в обществе, духовной культуре и образу жизни приобрели нечто материально невыразимое: внутреннее достоинство, возвышенность и утончённость умственной и практической деятельности, навыки свершения, постижения и воления, на которых покоится психический, нравственный, социальный, политический и, наконец, экономический фундамент нации. Они могут существовать только тогда, когда находящегося в их расположении национального богатства, как и доходов от него, достаточно и для воспроизводства подобного воспитания и сложившейся традиции, и для гарантированного сохранения их в будущем. Если же право древних фамилий на владение недвижимостью окажется подорванным и они будут доведены до банкротства, то это будет означать, что современный народ лишился самого лучшего, что в нём есть, и утратил абсолютно невозполнимое условие своего существования — естественный стержень своей истории, прирождённых вождей совместного бытия, хранителей исконных, не подлежащих заучиванию, медленно формирующихся качеств и навыков. Для Англии эта опасность столь же велика, как и для Германии. В результате налоговой реформы 1908 г., автором которой был увлечённый леворадикальными взглядами Ллойд Джордж²⁰, и прежде всего вследствие введения направленных против недвижимости непомерных налогов на земельную собственность и наследство, в Англии уже сейчас многие старые семьи, традиционно

занимавшиеся политикой, утратили своё состояние и были вынуждены от этой традиции отказаться. Но это не освободило центр атакуемой мировой империи от эксплуататоров и помещиков, как выразился бы социалист. Напротив, страна стала беднее на целый слой, навыки которого, передаваемые по наследству, столетиями обеспечивали ей успех в большой политике. Если он полностью исчезнет, то наступит золотой век дилетантов и искателей мест, которые могут превосходно договариваться о решении финансовых вопросов, но совершенно не пригодны к тому, чтобы управлять какой-либо современной державой, не говоря уже о том, чтобы вести её к достижению великих целей. Чудовищная угроза для всех традиционных культурных народов заключается не просто в обнищании исторически ведущего культурного слоя, а в его уничтожении; эта страшная опасность нависла сегодня и над Германией.

И если мы желаем нашей стране иной участи, то мы должны немедленно, здесь и сейчас, отказавшись от утопий и фантазий, начать собирать самые точные, самые достоверные сведения об экономических связях и копить опыт участия в них, дабы спасти то, что лежало в основе нашего пути к процветанию начиная с 1870 г., с того времени, как мы стали мировой нацией²¹, — становой хребет народа, ту его часть, для которой прилежная, самоотверженная и честная работа является привычным делом и которая благодаря присущим ей организационному таланту, творческому духу, дисциплине ума и действия смогла создать условия для появления правительства, способного выдвигать высокие притязания и ставить великие цели.

²⁰ Джордж Дэвид Ллойд (1879–1941) — премьер-министр Великобритании от Либеральной партии (1916–1922), один из непримиримых противников Германии во время Первой мировой войны. В 1908 г., занимая пост министра финансов, представил «народный» бюджет, который предусматривал повышенные налоги на предметы роскоши, доходы и пустующие дома земельной аристократии. Этот бюджет был принят палатой общин и отклонен палатой лордов. Ллойд смог добиться его принятия только в 1910 г.

²¹ Имеется в виду создание Германской империи. Официальной датой её учреждения считается 18 января 1871 г., когда прусский кайзер Вильгельм I (1797–1888, кайзер с 1861, император с 1871) принял присягу в качестве германского императора.

И третье, самое важное. Я прошу вас наконец-то со всей серьёзностью и с максимальным здравомыслием обратить внимание на то, что принято называть *искусством правления**. У нас — да и не только у нас — это понятие оказалось в забвении. Мы рассуждаем о народном праве²², народном представительстве, народной воле и в гвалте сегодняшней партийной говорильни совершенно забыли, что суть заключается не в претензиях на привилегии, а в использовании очень непростых и редких навыков. Такие умения, либо врождённые, либо приобретённые в долгом процессе самосовершенствования, должны быть обязательно, иначе права обернутся преступлениями. Судьба государства определяется не тем, есть ли у него положения конституции, а тем, хорошее ли положение оно занимает в непрестанной, всё более ожесточающейся борьбе за мировое влияние и за своё существование²³. В восемнадцатом столетии государством управляли — реально или по видимости — только государь и его окружение. И хотя это делалось по неписанным правилам, на протяжении многих десятилетий эти правила превратились в то высокое одухотворённое искусство, которое по сей день лежит

в основе любой дипломатии. Переворот 1789 г. противопоставил принципу «всё для народа — ничего посредством народа» требование *суверенитета* народа, которое жирондисты незамедлительно перетолковали в откровенно превратном и пагубном для последующих времён смысле — не как обязанность правительства претворять в жизнь волю народа, действительную либо вероятную, а как необходимость *назначения на руководящие посты представителей народа*, независимо от того, понимают эти люди хоть что-то в политических делах или нет²⁴. Созываемый правителем страны государственный совет, уровень которого даже в худшем случае был достаточно высок, сменили выборные органы власти; свобода государей уступила место свободе народов — великой идее, тень которой накрыла весь следующий век. Предназначением этого века было осуществление вдохновлённого ею высокого идеала, и современный парламентаризм показывает нам, насколько эта идея выдержала испытание реальностью. Сообщества прямодушных мечтателей из американских бревенчатых хижин²⁵, французских салонов и немецких пивных, которые жили и порой умирали во имя идеала, выродились в груп-

* Der Untergang des Abendlandes. II. S. 447ff., 544ff. (См.: Spengler. 1924a: 447ff., 544ff.; Шпенглер, 1998: 379л., 465сл. — Прим. перевод.).

²² *Народное право* (Volksrecht) — понятие, используемое в романо-германской правовой семье для характеристики правосознания народа, исторически сложившегося у данного народа свода правил, регулирующих социальные отношения. Этот термин является аналогом — но не синонимом — понятия «обычное право», к которому, в отличие от «народного права», принято относить только обычаи, санкционированные государством. Историческая школа права, сложившаяся в XIX в., противопоставляла «народное право» как не всегда чётко сформулированное, но при этом действительное, «праву юристов», оперирующему строгими кодифицированными нормами (Beseler G.K.Ch. Volksrecht und Juristenrecht. Leipzig: Weidmann, 1843. 400 s.).

²³ Данное утверждение основано на игре слов: «иметь конституцию» (Verfassung haben) и «занимать положение» (in Verfassung bestehen).

²⁴ Во время Великой французской революции партия жирондистов выступала за принципы личной свободы. Жирондисты отличались красноречием, но не обладали организационными навыками и политической волей, достаточными для того, чтобы удержаться у власти и провести в жизнь свои идеи. В 1792 г. нападки на политику королевского двора привели к тому, что ряд министров ушли в отставку, а их должности заняли жирондисты. Жирондисты первоначально занимали главенствующее положение в органах власти, но уже в 1793 г. утратили влияние и были изгнаны из Национального Конвента.

²⁵ «Бревенчатая хижина» («a log cabin», «a loghut») — аллегорическое обозначение американского фермерского дома, глубоко укоренённое в национальном сознании как символ простой жизни в противовес «дворцу», воспринимаемому как средоточие роскоши и праздности. Впервые этот образ был использован партией вигов во время выборов президента в 1840 г., закончившихся победой их кандидата Уильяма Генри Гаррисона (1773–1841), которого они изображали как американца, близкого к простому народу. Их предвыборная агитация получила название «кампании бревенчатой хижины». Впоследствии тот же рекламный ход использовали не только в политике — к примеру, сторонниками Авраама Линкольна (1809–1865) или апеллирующей к его наследию партией «Республиканцы бревенчатой хижины», — но и для продвижения различных товаров и услуг (Casper A. Log cabins // The Encyclopedia of Greater Philadelphia. URL: <https://philadelphiaencyclopedia.org/essays/log-cabins/>).

пы профессиональных политиков и искателей должностей, самопровозглашённых народных вождей, желающих жить не ради этого идеала, а за счёт него. Изначально партии были братствами, воодушевлёнными единством мысли и воли. Сегодня повсюду это — предприятия в несколько тысяч человек, в которых целый рой партийных чиновников, сидящих на окладе, заняты не представлением интересов народа, а порождением общих мнений, продвижением и использованием их в своих личных интересах. Свобода народа, за которую отцы проливали кровь, превратилась в тягостную зависимость от клика, или, как говорят американцы, *caucus**²⁶. На смену произволу государей, их сладострастию и глупости, какими бы дурными они порой ни были, пришло нечто худшее. Эти сообщества давно бы уже были сметены новой атакой на Бастилию, если бы всё то, из-за чего начался старый её штурм (обработка общественного мнения, популярные лозунги, голосование), не было бы своевременно присвоено этими группами, дабы поддерживать у больших масс народа такое умонастроение, которое позволило бы им и дальше сохранять свой образ жизни и свои доходы — начиная с дворцов и взяток у французских депутатов и вплоть до машин и пакетов акций у немецких пролетариев или мест в наблюдательных советах буржуазных партий у самоуверенных немецких обывателей.

Сегодня народы мира начинают прозревать. Растёт их стремление освободиться от этого гнёта своекорыстных и грязных интересов, от этих закрытых организаций, которые — несмотря на все фокусы

со всеобщими выборами и свободной прессы**, умалчивающей о том, кому она на самом деле служит, — лишили права голоса подавляющее большинство более бесцеремонно, чем на то мог бы решиться любой из государей эпохи просвещённого деспотизма. Растёт мечта о человеке, который придёт на смену подобным предприятиям и захочет не обогащаться, а руководить, опираясь на свои исключительные способности, который, говоря словами Фридриха Великого, возжаждет наконец быть слугой государства, а не его бенефициаром и не управляющим делами какой-либо партии²⁷.

Это — конец демократии. Не свержение её, а необратимый внутренний распад, который приведёт к бездумному сохранению её форм при снижении их значимости. Перед войной это ещё не могло быть осознано, но сегодня уже проникает в головы людей повсюду, куда ни глянь, будь то Европа или Америка, где фермерское движение, по сути, желает того же, что и итальянский фашизм. Лучшие из немцев, и не только из немцев, ждут, когда появится человек, которому можно вручить судьбу страны, который обладал бы всей полнотой власти и мог бы остановить любого, кто попытался бы ограничить эту власть в интересах отдельных групп. Восемнадцатый век был эпохой свободы государей, девятнадцатый принес идею свободы народа — сначала как зарождающийся идеал, а в конце, и это нужно безоговорочно признать, как насмешку над ней. Двадцатое столетие заменит то, во что превратилась эта свобода, на свободу великих личностей — свободу, которую Бисмарк тщетно пытался

* Der Untergang des Abendlandes. II. S. 561ff. (См.: Spengler. 1924a: 561ff.; Шпенглер, 1998: 476сл. — *Прим. перевод*).

²⁶ *Caucus* (амер. англ.) — узкий состав руководящего органа партии, а также закрытое собрание партийного актива для выработки политического курса. И в русском, и в немецком языках полного эквивалента нет, это выражение считается связанным исключительно с американскими реалиями. Некоторые источники указывают, что происхождение слова неизвестно, другие возводят его к индейским корням, где оно означает «старший». В Англии это слово имеет презрительный оттенок, им обозначается подтасовка выборов и давление на избирателей (Политлексикон: понятия, факты, взаимосвязи: на основе нем. справ. Shubert/Klein. Das Politiklexikon / Пер. с нем. В. П. Любина, М. А. Елизаревой. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 248).

** Der Untergang des Abendlandes. II. S. 566ff. (См.: Spengler. 1924a: 566ff.; Шпенглер, 1998: 482сл. — *Прим. перевод*).

²⁷ Ссылка на Фридриха Великого, утверждавшего, что монарх — первый слуга и первый чиновник государства (Большой словарь цитат и крылатых выражений / Составитель К.В. Душенко. Москва: ЭКСМО, 2011. С. 63).

отвоевать у парламента, а Родс нашёл только в Южной Африке²⁸. Заменой партий станут группы преданных ревнителей; основанное на праве, погрязшее в убожестве и глупости правление уступит место правлению, понимаемому как искусство, как миссия, как призвание*.

Вот что показывает послевоенный мир тем, кто научился видеть факты. Сегодня эти факты ещё еле различимы, они скрыты туманом отживших порядков. Завтра их подтвердят избранные вершители мировой политики — лидеры, от наличия или отсутствия которых, возможно, зависит судьба всего континента.

И в этот ключевой момент смены эпох мы оказались разоружены и лишены достоинства. Нас подтащили к краю пропасти, наши традиции разрушены, мощенническая революция под хохот своих выкормышей, жирующих на её хлебах в стране и за рубежом, отняла у нас всё, чем мы обязаны таланту и неустанному труду великих государственных мужей. Всё, что бисмарковской внешней политике удалось создать за тридцать лет, истреблено. Та высокая форма государственности, которая укреплялась у нас со времён Фридриха Вильгельма I²⁹, погублена. Плоды столетних стараний нации уничтожены. Мы как никакой другой народ вынуждены начинать всё с самого начала, и поручкой тому, что это всё же случится, служит лишь скрытая в нас сила и наша непреклонная воля. В том и состоит задача

подростающего поколения. Оно должно, исходя из новых условий двадцатого столетия, выработать для политической воли и политического действия новый стиль и произвести на свет новые формы, методы и идеи, которые подобно идеалам французской революции или обычаям английской палаты общин станут для всех примером и будут распространяться от страны к стране, так чтобы в ближайшие годы история приобрела те контуры, которые изначально были намечены в Германии. Такая задача открывает необозримые горизонты. Быть достойным этой миссии — вот в чём состоит требование к молодёжи, к вам, кто правильно сформован прессом мировой войны и революции, кто жаждет творчески ворваться в будущее, кто считает будущее своей задачей и своей вотчиной. Будет ли вам по плечу эта задача? Понятно ли вам, что именно нужно для её решения? Я вижу ваше воодушевление. Но осознаёте ли вы исторический долг, который возложен на вас в силу того, что сегодня вы молоды и возмужаете как раз тогда, когда настанет решающий час возрождения Германии?

Конечно, кое-чему из того, что нам было неведомо в девятнадцатом веке, мы научились. Мы освоили особый — самостоятельный, практически американский — способ действий и принятия решений, который был чужд нам до войны, когда каждый рассчитывал лишь на то, что где-то и кто-то уже хотел. Мы утратили значительную долю сентиментальности,

²⁸ *Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шенхаузен* (1815–1898) — первый канцлер Германской империи, под руководством которого был осуществлён план объединения германских государств вокруг Пруссии. Бисмарк, имя которого стало символом сильной личной власти, на протяжении всей политической карьеры встречал сопротивление парламента. *Сесил Джон Родс* (1853–1902) — организатор английской колониальной экспансии в Южной Африке. В его честь были названы Северная и Южная Родезии (в настоящее время Замбия и Зимбабве соответственно).

* *Der Untergang des Abendlandes*. II. S. 534ff. (См.: Spengler, 1924a: 534ff.; Шпенглер, 1998: 459сл. — *Прим. перевод.*).

²⁹ *Фридрих Вильгельм I* (1688–1740) — король Пруссии из династии Гогенцоллернов, известный как «король-солдат». В его правление, длившееся 27 лет, армия королевства стала третьей по численности в Европе. Им были проведены административные, финансовые и военные реформы, нацеленные на централизацию власти, введены строгие правила для государственных служащих, разработаны основы Всеобщего свода законов и введено правовое равенство сословий. Фридриху Вильгельму I приписывается введение термина «пруссские (немецкие) добродетели», сыгравшего консолидирующую роль в истории немецкой культуры. К этим добродетелям относились бережливость и любовь к порядку, богобоязненность, верность и надёжность, чувство долга, дисциплинированность и пунктуальность, искренность и прямота, мужество, храбрость и самоотверженность, неподкупность и честность, и чувство справедливости, усердие и скромность.

как и стародавний идеализм немецкого Михеля³⁰, выискивающего хорошие черты у своих поработителей и пытающегося непредвзято судить об их интересах. Каждый час преподанного немцам урока жизни болезненно напоминает о том, что стало с этими оторванными от жизни грёзами к моменту битвы при Йене³¹. Мы поздно — хотя, надеюсь, не слишком поздно — обнаружили у себя крупницы национальной гордости. Раболепство, которое Бабель некогда приписал большинству немцев³², — перед вышестоящими, перед иностранцами, да и перед улицей, о чём он забыл упомянуть, — стало визитной карточкой партийных клик, на протяжении пяти лет проводивших такую внешнюю политику, которой устыдилась бы и побитая собака. И мы наконец научились тому, что я здесь перед вами хочу прямо назвать своим именем: способности *ненавидеть*. Кто не отваживается ненавидеть, тот не муж, а историю *на деле* творят мужи. Их решения тверды и жёстки, а тот, кто полагает возможным смягчить эти решения готовностью к пониманию и примирению, не создан для политики. Такой человек, даже если его чувства и цели всецело благородны, лишь погубит и себя, и своё отечество. Тот факт, что мы, немцы, в конце-то концов можем ненавидеть, — одно из немногих достижений нашего времени, которые способны обеспечить наше будущее.

Однако нельзя упускать из виду, что даже столь горячее чувство и столь твердая воля ещё никогда не спасли ни одну страну. Когда я спрашиваю себя, может ли немецкая молодёжь считать свою страсть равной по ценности политическому *мастерству*,

пониманию реальных целей и возможных средств их достижения, равной по значению *практическим* знаниям и *практическому* инстинкту, то твёрдо — и я не боюсь это сейчас заявить — отвечаю нет.

После войны национальная политика понималась в Германии как некое зрелищное действо. Молодёжь массово восхищалась цветами и символами, музыкой и шествиями, театрализованно обставленными обетами, дилетантскими воззваниями и теориями. Несомненно, всё это тешит наши чувства. Но политика — это нечто другое. Один лишь зов сердца никогда не породил успешную политику. *А важен именно успех* — иначе это занятие вообще не имеет никакого смысла. Все великие победы, достигнутые искусством государственных мужей и благодаря умным инстинктам народа, были результатом холодного расчёта, длительного молчания и выжидания, исключительного самообладания, но прежде всего — принципиального отказа от шумихи и зрелищности. Вспомните, каким чудовищно одиноким был Бисмарк всю свою жизнь, и это только потому, что он один в Германии девятнадцатого века проводил дальновидную, молчаливую, трезвую политику, опирающуюся на реальные факты. «Я увидел в нём политического дельца, наделённого качествами, которые намного превосходили все мыслимые достоинства подобного рода. Кажется, он считает только с тем, *что есть*, его внимание направлено только на практические решения, и он равнодушен ко всему, что не ведёт к желаемой цели», — написал о нём Жюль Фавр в сентябре 1870 г.³³ Да и сам он, выступая в рейхстаге в 1881 г., заявил:

³⁰ *Немецкий Михель* — нарицательное имя, которым в шутивно-ироническом духе обозначают увальня, обывателя, простофилю.

³¹ *Битва при Йене* (14 октября 1806 г.) — сражение между наполеоновской армией и прусскими войсками, в котором Пруссия потерпела полное поражение. Её армия была не просто разгромлена, но практически уничтожена. Эта битва считается национальным позором для немцев и наиболее эффективной победой Наполеона, поскольку она повлекла за собой отказ от сопротивления и добровольную сдачу прусских городов и крепостей.

³² *Август Бебель* (1840–1913) — немецкий политик, деятель международного рабочего движения, марксист, один из основателей и руководителей Социал-демократической партии Германии и инициаторов создания Второго интернационала. В своих трудах резко критиковал положение народа, считая классовую борьбу единственно возможным средством его освобождения и обретения немцами человеческого достоинства.

³³ *Жюль Фавр* (1809–1880) — французский политический деятель, юрист, депутат Учредительного и Законодательного собраний Третьей республики. 19 сентября 1870 г. в качестве министра иностранных дел Правительства национальной обороны (этот пост он занимал с сентября 1870 по февраль 1871 г.) Фавр имел встречу с Бисмарком, на которой обсуждался вопрос о заключении мира с Пруссией. Встреча оказалась безрезультатной, поскольку Фавр, сторонник войны до победного конца, отказался идти на уступки.

«Бывают времена, когда нужно править либерально, и времена, когда требуется править диктаторски. Всё меняется, в этом нет ничего вечного». Когда Бисмарк достиг преклонных лет и уже любой ребёнок мог оценить плоды его трудов, его прославлению посвящали тысячи торжеств. Но где была наша университетская молодёжь на протяжении всех тех лет, когда он в одиночку боролся за создание той Германии, которая в 1914 г. смогла надеяться на победу в войне — тяжелейшей из всех, в какие оказалась втянута какая бы то ни было страна в новейшей истории. Если бы не поддержка его короля и императора, употребившего всё своё влияние в государственных делах на содействие ему в борьбе с превосходящими вражескими силами, то его неудача была бы предreshена, и сегодня его бы называли глупцом и предателем, как это в течение многих лет делали все партии и все сословия. Студенческая молодёжь в своём патриотическом порыве понимала его не лучше остальных. И потому просто необходимо именно сегодня критически осмыслить энтузиазм образца 1813 г.

Мы привыкли считать это время больших страстей краеугольным камнем будущего величия Германии. Но как бы трудно это ни было, мы должны спросить себя, что дала нам политическая шумиха тех лет? Конечно, поражение французов, но оно и без того уже было предreshено вследствие уничтожения большой армии и испанского восстания³⁴. Слепой восторг — ни в древних германских лесах, ни в наши дни — вовсе не то, что способно создавать или спасать народы и государства. Во имя чего жертвовали собой офицеры Шилля³⁵? Во благо Англии! Во имя чего наша молодёжь изнемогала в освободительных войнах? Во благо Англии! А во имя чего работают фёлькише наших дней, безрассудные в своих действиях и мыслях? Во благо Франции. В те времена только холодному взору Гёте открылась вся тщетность грёз о свободе, и я вам советую ещё и ещё раз перечитать его потрясающую беседу с Луденом в ноябре 1813 г.³⁶ Когда Англия, уничтожив Маратхскую империю, окончательно покорила Индию и обратила взоры в сторону отпавшей от Испании Южной Америки³⁷,

³⁴ *Испанское восстание* (2 мая 1808 г.) — восстание в Мадриде против оккупировавших город войск Наполеона. Оно было потоплено в крови, но послужило началом широкомасштабной партизанской войны, не утихавшей до 1814 г. Это противостояние вынуждало Наполеона держать в Испании армию численностью до 300 тыс. чел. Сам Наполеон в 1815 г. признавал, что совершил две больших ошибки — вторжение в Испанию и русский поход 1812 г.

³⁵ *Фердинанд фон Шилль* (1779–1809) — национальный герой Германии; прусский майор, участник наполеоновских войн. Создал в 1807 г. в Померании волонтерский корпус для ведения «малой войны» против французов, который насчитывал около 1000 чел. В 1809 г. по собственной инициативе, без приказа командования, предпринял поход в Вестфалию и Северную Германию, который окончился неудачей. В Штральзунде его корпус потерпел поражение от войск датчан и голландцев, большая часть отряда, как и сам фон Шилль, пали в бою, 11 офицеров были казнены, а выжившие заключены в крепость. Голову фон Шилля король Вестфалии Жером Бонапарт (1784–1860) велел заспиртовать и передать на хранение в Лейденский естественно-исторический кабинет. Имя фон Шилля как преступника, нарушившего воинскую дисциплину, сначала было предано позору, но впоследствии (в 1813 г.) он был реабилитирован и даже объявлен национальным героем Германии.

³⁶ Великий немецкий мыслитель, ученый-энциклопедист и поэт *Иоганн Вольфганг фон Гёте* (1749–1832) весьма скептически отнёсся к патриотическому подъёму, охватившему немцев в ходе наполеоновских войн. Во время встречи с йенским профессором истории Генрихом Луденом (1788–1847) он заявил, что у немецкого народа, «столь достойного в частностях и столь жалкого в целом», будущее ещё впереди, а пока к стремлению немцев к единству примешивается слишком много незрелых эмоций. «Разве народ и вправду пробудился? Разве люди знают, что хотят? и разве удалось хоть чего-нибудь добиться? французов прогнали, но теперь в германских землях войска других народов», — сказал Гёте. См.: (Конради К.О. Гёте. Жизнь и творчество. Т.2. Итог жизни. Москва: Радуга, 1987. С. 407–447).

³⁷ *Маратхская империя* — крупное государство, созданное в 1674 г. на территории современного индийского штата Махараштра. Британская Ост-индская компания в ходе трёх войн (с 1775 по 1818 г.) отобрала у маратхов Дели и некоторые другие территории, а князья превратились в её вассалов. Колонии Испании в Южной Америке, которые она приобрела после открытия Христофором Колумбом (1451–1506) островов Карибского моря, были наибольшими по площади по сравнению с колониальными владениями других европейских держав. Оккупация Испании войсками Наполеона Бонапарта в 1808 г. привела к тому, что её колонии оказались отрезанными от метрополии и вскоре сумели стать самостоятельными государствами. Англия с 1823 г. начала активно устанавливать контакты с бывшими испанскими и португальскими колониями, признала независимость Мексики, Колумбии, Аргентины, Венесуэлы, Бразилии и других стран, стремилась достичь монополии на южноамериканском рынке и путём инвестиций в промышленность, предоставления займов, получения преференций в разработке природных ресурсов и строительстве транспортных коммуникаций укрепить не только финансовое, но и политическое влияние на этом континенте.

когда английские студенты приступили к обсуждению тактических вопросов мировой политики и мирового хозяйства, наша молодёжь, столь же блистательная, сколь и глупая, та самая молодёжь, что впоследствии с упоением развлекала себя старонемецкими нарядами, старонемецким говором, табачными трубками и романтическими празднествами в Вартбурге и Хамбахе (причём под польскими флагами, ведь как раз в тот момент свободолюбивые поляки убивали немцев!)³⁸, — эта молодёжь была всего лишь пешкой в крупной дипломатической игре, прежде всего английской. Пока в ней сохранялась нужда, ей позволяли действовать, но как только её роль в достижении целей чужих держав оказывалась сыгранной, её тут же бросали на произвол судьбы. Защититься от этого не помогут ни воля, ни численность, это возможно только благодаря *интеллектуальному и тактическому превосходству*. У нас не было действительно национальных дипломатов, а если бы такой вдруг нашёлся и попытался что-либо понять в национальном движении, то потерпел бы сокрушительное поражение.

Если вы не хотите, чтобы национальный подъём нашего времени тоже оказался лишь инструментом в руках иностранной дипломатии и её приспешников внутри страны, то вам нужно готовить себя вовсе не к той политике, что руководствуется необузданными, романтическими, оторванными от жизни страстями. Вовсе не громогласное возмущение той или иной властью имеет значение, а способность превзойти её в политическом мастерстве. Когда сегодня, проходя по улицам немецких городов, я вижу, какие идут собрания и шествия, какими листовками увешаны дома, какие носят эмблемы и что именно поют или выкрикивают, когда я понимаю, насколько наивными теориями пытаются заменить фактическое знание экономики, насколько широковещательно заявляется и публично творится то, что в любой другой стране после тщательнейшего анализа внешнеполитических последствий замалчивалось бы, я близок к тому, чтобы впасть в отчаяние. Вновь и вновь спрашиваю я себя, какая вражеская держава в следующий раз использует это слепое, бесцельное, игнорирующее реальную ситуацию в мире

³⁸ *Вартбург* — замок в Тюрингии, который в XIX — начале XX в. воспринимался как национальный символ Германии из-за его связи со знаковыми событиями в немецкой истории. Здесь, по легенде, в 1206/1207 г. происходило состязание певцов с участием рыцаря-миннезингера Тангейзера (ок.1205–ок.1270), судьба и творчество которого ассоциируются с защитой народной культуры в противостоянии с римским универсализмом. В этом же замке инициатор антиримского движения Мартин Лютер (1483–1546) работал над переводом Нового завета и тем самым закладывал основы немецкого литературного языка. 18–19 октября 1817 г. в замке состоялась праздничная, приуроченная к 300-летию Реформации и четвёртой годовщине «битвы народов» при Лейпциге (16–19 октября 1813 г.), после поражения в которой Наполеон Бонапарт утратил военную и политическую силу. В Вартбург по инициативе студенческого братства Йены и Галле «Буршеншафт» съехались более 500 представителей немецких студенческих обществ из 13 университетов Германии, выступавших за объединение страны. Встреча превратилась в масштабную манифестацию националистического толка с лозунгами «Честь, свобода, Отечество» с принятием программы единого немецкого государства, костюмированными шествиями и церемониями сожжения. В знак протеста против клерикализма и иностранного влияния на культуру немцев были брошены в огонь негерманские книги (в память сожжения Лютером папской буллы «*Exsurge domine*») и трость капрала как символ наполеоновской власти. Подобные мероприятия в замке были повторены в 1848 и 1929 гг. В 1933 г. Вартбургская церемония сожжения книг была интерпретирована как патриотический акт и использована для легитимации нацистских книгосожжений как уничтожения материалов, наносящих удар по основам немецкой мысли. *Хамбах* (Гамбах) — замок в баварском округе Пфальца близ Нойштадта, где 27–30 мая 1832 г., в годовщину баварской конституции, состоялась политическая акция либерального толка, возглавляемая политическими публицистами Филиппом Якобом Зибенпфейером (1789–1845) и Иоганном Георгом Августом Виртом (1798–1848). Фестиваль, замаскированный под ярмарку, прошёл под лозунгами возрождения Германии и национального единства. В нём приняли участие около 30 тыс. чел., которые под чёрно-красно-золотым флагом Лютцеровского свободного корпуса (добровольческого формирования времён наполеоновских войн) выступали против монархического правления, за верховенство народа и гражданские свободы, в силу чего хамбахское празднование стало считаться символом германского демократического движения. В фестивале приняла участие и делегация польского герцогства Варшавского, которое было основано в 1807 г. по Тильзитскому миру и находилось в тесном союзе с Наполеоном. На территории этого герцогства было отменено крепостное право и введены многие положения кодекса Наполеона, что обусловило симпатии немецких либералов к полякам. Хамбахский фестиваль стал кульминацией пропольских настроений в германской интеллектуальной среде (German History in Documents and Images. URL: <https://germanhistorydocs.org/>).

воодушевление, а потом забудет о нём. Я же, глядя на то, что делает и о чём мечтает, что говорит и о чём думает последние пять лет подрастающее поколение, не могу не вспомнить старую поговорку, ходившую в мрачные времена немецкой истории: *«Горе стране, король которой — дитя!»*³⁹.

Каким бы сложным это для нас ни было, мы должны начать заниматься политикой именно как политикой, так, как это и подразумевалось исстари, — не устраивать шумиху или военизированные зрелища, а относиться к ней как к искусству, творимому неспешно и в уединении, искусству сложному и лишь в малой степени народному. Большинство из вас носили оружие. Я хочу вам напомнить, что политика — не что иное как искусство сражаться интеллектуальным оружием. Вам известно, как важны в этом деле навыки, мастерство и хладнокровие. Вам известно, что секрет победы — во внезапности. Если бы во время поединка или на поле боя вы применили методы вашей политической деятельности — с криками размахивали бы перед противником оружием, открыто готовились к атаке и громогласно объявляли о нападении, — то ваш первый удар оказался бы и последним. Успех никогда не определяется страстью⁴⁰. Страсти делают нас зависимыми. Наше национальное движение, как оно сегодня представлено в немецкой партийной борьбе, слишком часто уподобляется быку на арене, которому слепая ярость не позволяет понять, что, собственно, происходит. Мы должны, наконец, осознать, что большая политика в столь же малой степени исчерпывается организационной деятельностью и агитацией, сколь и простым решением хозяйственных вопросов. Умный предприниматель — ещё не политик (несмотря на то, что политика — это управление государственными делами), но ведь и барабанщик с горнистом, несомненно, — вовсе не полководцы.

Современная политика в колоссальной степени зависит от навыков и знаний. Но у современной молодёжи, считающей политику своим призванием, я не нахожу не только серьёзного стремления к достижению величайших целей, но и готовности к тому, чтобы в необходимом объёме овладеть знанием тех фактов, сил и направлений, что определяют сегодня мировую политику. Ещё раз: главным является не воля, а знание, а знание предполагает освоение той области, которой приходится заниматься. Ежедневное чтение газет и — ещё в большей мере — поток абсолютно плоских и вздорных образчиков партийной писанины порождают губительное заблуждение, будто любой человек способен понимать политику и заниматься ею, если только он обладает правильными «взглядами». Лозунг девятнадцатого столетия «Политика — народу!» взрастил целую плеяду фантазеров и болтунов. Государственные же мужи остались без соратников, и теперь большинство из них тратит свою энергию преимущественно не на дело, а на отвоевание хотя бы малой толики свободы действий.

Добавьте к этому огромную опасность, угрожающую именно немцам. После 1918 г. у нас не осталось никакого влияния за пределами наших границ. Я уже молчу о том, что и внутри этих границ господствующее положение принадлежит не нам. Мы, немцы, стали одной из наций мирового значения всего лишь пятьдесят лет назад. Но не успели мы в должной мере овладеть политическим видением и мышлением, подобающими данному положению, как внезапно вновь оказались провинциалами, причём в такой степени, в какой это было бы невозможным ни для какого другого великого народа — хотя бы по причинам географического характера. Сейчас это влияет на размах нашей внешней политики, которая сжалась до уровня политики пограничной, а зачастую и до

³⁹ *«Горе стране, король которой — дитя!»* — парафраз библейского текста: «Горе тебе, земля, когда царь твой отрок, и когда князья твои едят рано!» (Еккл. 10:16).

⁴⁰ *Успех никогда не определяется страстью* — вероятно, оппонирование Макс Веберу (1864–1920), считавшему страсть важнейшим качеством политика наряду с глазомером и личной ответственностью (Вебер М. Политика как призвание и профессия // Власть и политика. Москва: РИПОЛ классик, 2017. С. 307).

него не дотягивает. Но в целом это означает возможность возврата к плачевному состоянию нашего прошлого с его дурной политической раздробленностью, филистерским горизонтом и убогими сварами между землишками — возврата, грозящего настолько сузить цели национального движения, что все связанные с ним надежды неминуемо угаснут. Однако возродившаяся провинциальность мышления выражается не только в партикуляризме, но и в распространённом сегодня стремлении решать немецкие проблемы так, будто бы кроме Германии в мире ничего не существует. Мы очень мало знаем о том, что происходит в Восточной Азии, Центральной Америке или Южной Африке, и слишком многие полагают, что даже это малое не достойно внимания. С тех пор как мы потеряли колонии, что имело роковые последствия и для *политического горизонта* нашего народа, в политике в поле зрения осталась только Центральная Европа, а нередко — лишь малая её часть. Разрослось узконациональное чванство. Считают ниже собственного достоинства учитывать при решении внутренних вопросов Германии ситуацию за её границами или же принимать всерьёз влияние на нас исторических изменений и экономических процессов, идущих в мире. Высмеивают, презируют или намеренно перевирают всё, что не соответствует нашей идеологии или кажется

таким (к примеру, сочинения Форда⁴¹). Не утруждают себя изучением фактического положения дел в Англии и Америке или, к примеру, анализом развития ситуации в тихоокеанском регионе. Ни мгновения не тратят на осмысление мировых экономических проблем, таких как снабжение сырьём или преодоление кризиса сбыта, но охотно восторгаются какими-нибудь смехотворными теориями безденежной экономики, которые выдуманы кабинетными писателями. А то, что в итоге подобный образ действий вызывает у *благосклонных к нам* иностранцев лишь чувство сожаления либо пренебрежения, заставляя их свысока взирать на этакую возню, то, что он вынуждает ведущие державы и значимые в реальной политике персоны избегать, дабы не скомпрометировать себя, любых связей с такого рода движениями, — всё это ещё и расценивают как подтверждение собственного превосходства.

А вот фашизм, несомненно, научился вовремя договариваться с влиятельными силами в экономике, потому что для него успех был важнее программ и парадов⁴². В противном случае он быстро бы рассыпался в прах при столкновении с реальностью. Германия с её 60-миллионным населением находится в окружении мира, в котором насчитывается 1500 миллионов человек. Она не отделена от него природными границами. Она не может отказаться

⁴¹ *Сочинения Форда* — в первую очередь имеется в виду книга известного американского предпринимателя Генри Форда (1863–1947) «Моя жизнь, мои достижения» (1922), которая считается классическим произведением по научной организации труда. В книге провозглашались четыре главных принципа успеха любого бизнеса: нацеленность не только на получение прибыли, но и на служение обществу; снижение количество рутинных операций; клиентоориентированность и обеспечение достойного уровня жизни всем работникам. (Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 276 с.).

⁴² Скорее всего, речь идёт об установлении Адольфом Гитлером (1889–1945) контактов с такими промышленными магнатами, как финансист Август фон Финк (1898–1980), автопроизводитель Фердинанд Порше (1875–1951), поставщик продовольствия Рихард Каселовски (1888–1944), владелец текстильных фабрик Гюнтер Квандт (1881–1954) и др. (подробнее см.: Сергеев И. Ф. Проблема взаимоотношений крупного бизнеса и нацизма в Веймарской республике в историографии США и Великобритании // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. Т. 5, № 1. С. 100–119 <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-1-100-119>). В 1920-е гг. Шпенглер отдал дань модному в то время увлечению цезаризмом, признававшему власть сильной личности как единственное противоядие неуправляемому хаосу, который ассоциировался с революционной активностью масс. См: (Манн Т. Германия и немцы // Собрание сочинений в 10 т. Т. 10. Статьи. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 303–327.; Руткевич А.М. Времена идеологов: философия истории «консервативной революции». Москва: ГУ ВШЭ, 2007. 35 с.; Руткевич А.М. Прусский социализм и консервативная революция. После слово к книге: Шпенглер О. Пруссачество и социализм. Москва: Праксис, 2002. С. 187–228.; Sontheimer, 1994). Его выступления этого периода пронизаны верой в спасительную миссию политических вождей, в число которых, как он считал, могли бы войти и лидеры национал-социалистического движения — в том числе в силу их умения аккумулировать материальные и финансовые ресурсы. Однако уже через год после прихода к власти Гитлера оценки фашизма и его предводителей стали резко негативными.

ни от рынков сбыта, ни от сырья, ни от импорта продовольствия. Её судьба неразрывно связана с судьбами мира. Какую бы позицию, активную или пассивную, она ни занимала, это в любом случае это не является лишь её внутренним делом. Даже не сомневайтесь — с отказом от всемирно-политического горизонта, с отказом вникать, опираясь в равной мере на опыт, умственные усилия и тактическое искусство, в мировые политические обстоятельства исчезают *все перспективы национального движения*. Конечно, вы и дальше можете тащить на себе повозку, полагая, что управляете ею. Но тем самым вы обрекаете Германию на роль провинции, колонии западных государств. Каждый день я слышу речи, пугающие меня. Наивные проекты важнейших экономических преобразований предлагаются юнцами, которые в глаза не видели металлургический завод и никогда не читали трудов по современному кредитному делу. Идеи конституционных реформ выдвигаются без малейшего представления о том, как сегодня должно быть устроено работоспособное министерство и чем, собственно, оно должно заниматься. Никто не штудировал *практическую деятельность* таких великих государственных мужей, как Бисмарк, Глэдстоун, Чемберлен и даже, упаси Боже, Пуанкаре⁴³, не изучает их способ шаг за шагом, в повседневной рутинной работе добиваться почти не заметных успехов, которые в итоге выливаются в события эпохального порядка, определяющие судьбы страны. Цели нашей борьбы значимы разве что в пределах пары тысяч квадратных километров, причём в каждом уголке Германии у нас этих целей по две за раз.

Нам же нужно, чтобы у наших молодых людей постоянно работала голова, причём чтобы они не просто предавались размышлениям, а серьёзно и основательно, опираясь на цифры и факты, изучали важнейшие взаимосвязи в мировой экономике и мировой политике нашего времени. Ни одна проблема немцев, какую бы вы ни взяли, не может быть решена, если мы не поймем, как она связана с политической ситуацией в Англии, России и Америке, и, подкрепив это понимание знанием, не переведём его в практическую плоскость. Это значит, что нам нужны люди соответствующего положения и опыта — люди, о привлечении которых национальное движение до сих пор вообще не задумывалось. Что необходимо для нашего возвышения, так это не делать вид, что других стран не существует, а не уступать им в методах политики — так же, как и в случае с техникой и организацией экономики. То же самое справедливо и по отношению и представленным в Германии международным силам, которые известны под названиями «марксизм» и «биржа». Можно опровергать их взгляды, но таким способом от них не избавиться. Для истории не так уж важно, прав кто-то или не прав. Только успех определяет, действительно ли повержен противник. И в последний раз: молодёжное движение в том виде, как оно существует сегодня, добровольно отрекается от успеха ради самолюбования. Честно говоря, для нашего будущего этого слишком мало.

А закончу я вот чем. Нам, немцам, трудно привыкнуть, что к политике надо относиться не как к выражению чувств и взглядов, а как к высокому искусству, потому что наше прошлое не позволяет нам убедиться

⁴³ *Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шенхаузен* (1815–1898) — первый канцлер Германской империи (см. также выше, комм. 29). *Уильям Юарт Глэдстоун* (1809–1898) — премьер-министр Великобритании (1868–1894), занимавший этот пост четырежды (в общей сложности около 13 лет), был сторонником прагматизма в политике, признавал приоритет внутреннего культурного развития страны. *Джозеф Чемберлен* (1836–1914) — один из самых влиятельных политиков викторианской Англии, вдохновитель социальной политики (расселение трущоб, доступное образование etc.), выступал за создание единого рынка внутри Британской империи и за сближение с Германией. *Николя Ландри Раймон Пуанкаре* (1860–1934) — французский государственный деятель, президент Франции (1913–1920), занимавший резкую антигерманскую позицию и на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. выступавший за оккупацию Рейнской области.

в этом. Но если мы этого не усвоим сейчас, то, боюсь, и наше будущее никогда уже нам этого не позволит. Священный долг молодого поколения — воспитать себя для политики. Нам не повезло так, как Англии, которая может свою молодёжь для получения практического опыта рассылать сызмальства по всем уголкам земли. Поэтому нам остаётся только одно — изучать всё это, причём с удвоенным рвением, на историческом материале. Я советую молодёжи отложить в сторону все восторженные проекты, всю партийную писанину. Вместо этих опусов каждый из вас самостоятельно или вместе с другими должен по публикациям в немецких архивах или в английских «Синих книгах»⁴⁴ педантично изучать дипломатические документы последнего десятилетия, сравнивать отдельные тексты, оценивать цели, средства и результаты и тем самым постигать приёмы современного политического управления. Вам следует тщательно анализировать речи и письма великих политических деятелей и мемуары лучших знатоков мировой экономики нашего времени, таких как Кейнс или Хильфферих.⁴⁵ Это позволит для начала составить представление о ключевых фигурах политики, о степени их влияния и методах их действий, на основании чего каждый из вас сможет определить, в чём состоит его собственный политический талант. Сегодня для политического призвания значимо вовсе не умение пылать страстью самому и воодушевлять других, важна одна лишь способность сравняться в силах с противником. Помимо этого, есть по крайней мере ещё одна задача. Существуют добро-

детели вождя и добродетели тех, кто идёт за ним. А среди последних — способность понимать сущность и цели подлинной политики. Ежели её нет, то люди обречены следовать за дураками, пока прирождённые вожди гибнут в одиночестве. *Воспитывать себя в качестве ресурса великих вождей*, с достоинством подвижника быть готовым к самопожертвованию — это тоже немецкая добродетель. Нас ожидают тяжёлые времена, и если предположить, что в Германии появятся сильные мужи, вожди, которым мы сможем доверить свою судьбу, то им будет необходима какая-то опора. Им будет нужно поколение, какого *не случилось* иметь Бисмарку, — поколение, которое с пониманием относилось бы к тому, что и как они делают, вместо того чтобы отвергать их и обесценивать их труд исходя из романтических настроений. Им будут нужны преданные последователи, которые благодаря длительному и серьёзному политическому самовоспитанию смогут осознавать необходимость того или иного шага, вместо того чтобы отмахиваться от предлагаемого как от чуждого немецкому характеру (как это, несомненно, произошло бы сегодня). Именно в этом — в подобной подготовке себя к будущим задачам — я вижу политическую обязанность подрастающего поколения. Только благодаря самовоспитанию вы сможете силой ума преодолеть ту границу, которой Версальский договор отделил Германию от остального мира. Залог нашего будущего — не то, что порождено новыми порядками внутри наших границ, а то, чего такие порядки позволяют добиться за пределами этих границ.

⁴⁴ Английские «Синие книги» («Blue Books») — серийная публикация политических документов в виде тематических сборников. Название — не официальное, но традиционно принятое — дано по цвету обложек серии. «Синие книги», представляющие собой собрания дипломатических документов и других материалов, издаваемых английским правительством для представления парламенту, появились в XVII в. В XIX в. появились аналоги в других странах: «Жёлтые книги» во Франции, «Зелёные» — в Италии, «Красные» и «Коричневые» — в Австро-Венгрии, «Белые» — в Германии. В России в 1905 г. была издана «Малиновая книга», включавшая документы об отношениях с Японией, и две «Оранжевые книги», составленные после начала Первой мировой войны.

⁴⁵ Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) — британский экономист, основатель теории государственного регулирования капиталистической экономики. Карл Теодор Хильфферих (1872–1924) — немецкий экономист и государственный деятель, убеждённый противник Веймарской республики, в 1915–1916 гг. был государственным секретарём казначейства, в 1916–1917 гг. занимал пост вице-канцлера и государственного секретаря министерства внутренних дел.

Информация об авторе

Освальд Арнольд Готфрид Шпенглер (1880–1936) — немецкий философ, представитель «философии жизни», известный автор, считающийся одним из идеологов консервативной революции в Германии в период между двумя мировыми войнами. Известен работами по проблематике историософии, философии культуры и критике технологического оптимизма.

Information about the author

Oswald Arnold Gottfried Spengler (1880–1936) — German philosopher, representative of the "philosophy of life", a well-known author, considered one of the ideologists of the conservative revolution in Germany in the period between the two World Wars. He is known for his works on the problems of historiosophy, philosophy of culture and criticism of technological optimism.